

18+

ЕВА ЯК

2557

Ева Як

2557

«Издательские решения»

Як Е.

2557 / Е. Як — «Издательские решения»,

У Михаила есть сейф в гараже, календарь с зачёркнутыми днями и тайна, которую он не может открыть жене. Семь лет назад он заключил контракт на перроне между мирами. Теперь у него есть ровно 2557 дней, чтобы научить Анюту чинить краны, обрезать розы и быть счастливой без него.

© Як Е.

© Издательские решения

2557

Ева Як

© Ева Як, 2026

ISBN 978-5-0069-9784-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тишина была такой плотной, что её, казалось, можно было коснуться пальцами. Секунду назад мир Михаила состоял из визга тормозов, ослепительного солнечного зайчика, отразившегося от лобового стекла чужой машины, и резкого запаха разогретого асфальта. А потом — щелчок. Выключатель сработал, и свет погас.

Михаил открыл глаза.

Он стоял на бесконечно длинном перроне. Здесь не было рельсов — только ровное полотно серого тумана, уходящее в обе стороны. Небо над головой напоминало перламутровую раковину: ни солнца, ни звезд, лишь ровный, баюкающий свет.

На единственной деревянной скамье, потемневшей от времени, сидела женщина. На ней было длинное шерстяное пальто глубокого графитового цвета, а на коленях лежали старые карманные часы. Её взгляд был устремлен в туман.

— Обычно в этот момент начинают кричать, — не оборачиваясь, произнесла она. Голос её был прохладным, как вода в горном ручье, — Или плакать. Или торговаться. Ты подозрительно долго молчишь, Михаил.

Михаил посмотрел на свои ладони. Они были целыми. Он глубоко вдохнул и почувствовал, что в этом странном месте воздух не пахнет ничем. Ни пылью, ни бензином, ни... Анюткой.

— Я просто... — Миша замялся, подходя ближе, — Я просто вспомнил, что не допил чай. Мы с Анютой сидели на балконе. Она купила те самые чашки, с синими каемками. Я сделал плоток, а потом вспомнил, что забыл в машине её любимый журнал. Спустился. И вот я здесь.

Он присел на край скамьи, соблюдая дистанцию. Женщина наконец повернула к нему голову. Её лицо было молодым и одновременно древним, а в глазах застыла бесконечная усталость веков.

— Ты умер, Михаил, — буднично сказала она, — Быстро. Почти безболезненно. Твой «чай» остался там, в другой реальности. Как и Анюта. Как и журнал. Как и твои планы на субботу.

Миша опустил голову. Сердце, которое больше не билось, вдруг отозвалось тупой, фантомной болью. Но он не закричал. Он медленно улыбнулся, и эта улыбка была такой искренней, что Смерть едва заметно вздрогнула.

— Знаете... — тихо сказал он, — Это было потрясающе.

— Что именно? — Смерть нахмурилась, — Твоя гибель?

— Нет. Всё, что было до неё. Тридцать пять лет — это ведь так много, если мерить не годами, а моментами. Я помню, как Аня смеется, когда у неё не получается заплести косу. Этот звук... он как колокольчик. Я помню запах мокрой шерсти нашего пса после прогулки под дождем. Помню вкус первой клубники, которую мы делили на двоих, сидя на полу в пустой квартире после переезда. Помню первый рассвет и первый закат, который мы встретили с Аней. Помню своих одноклассников, однокурсников, помню те беззаботные моменты, что мы проводили вместе. Жизнь была такой... щедрой ко мне. Она как будто постоянно обнимала меня за плечи.

Он посмотрел на женщину в сером пальто прямо и открыто.

— Я люблю её. Эту жизнь. Каждую её трещинку на асфальте, каждый холодный сквозняк, каждый знойный день, каждое морозное утро, каждую яму на дороге. Как же замечательно, что я жил каждый день своей жизни! Жаль только, что я не успел сказать Ане «спасибо» в последний раз. Она ведь подумает, что я просто ушел за журналом и не вернулся. Это несправедливо — оставлять её в такой тишине.

Смерть молчала очень долго. Она привыкла к ужасу в глазах новоприбывших, к их эгоистичному желанию «еще пожить», потому что они чего-то не купили или не достигли, чего-то не успели или же, наоборот, успели слишком много всего наворотить и жаждали всё исправить. Но этот человек жалел не о себе. Он смаковал воспоминания, как дорогое вино, и его благодарность была такой ощутимой, что серая станция начала едва заметно окрашиваться в теплый, золотистый оттенок.

Она посмотрела на свои часы. Стрелки замерли.

— Ты говоришь о ней так, будто она — живое существо, — прошептала Смерть.

— Потому что так и есть. Ты ведь, всё-таки, тоже живое существо, — отозвался Миша, — Жизнь — это уж точно не стаж в трудовой. Ведь если ты ей — восторг, она тебе — еще один рассвет.

Смерть медленно поднялась. Она была выше, чем казалось.

— Знаешь, Михаил... У меня нет друзей. У меня есть только «клиенты». Но сегодня моя сестра — Жизнь — кажется, действительно решила замолвить за тебя словечко. Твой восторг нарушает мою тишину.

Она коснулась его плеча. Рука была холодной, но не ледяной, а скорее освежающей.

— Я дам тебе семь лет. Семь лет жизни «на бис». Ты вернешься на тот балкон. Допьешь свой чай. Но ровно через семь лет, когда солнце коснется горизонта в твой день рождения, ты придешь сюда сам. Не от несчастного случая, не от болезни. Ты просто встанешь, поцелуешь свою Аню и придешь ко мне добровольно. Ты станешь моим единственным собеседником, потому что мне очень интересно узнать... каково это — жить любовью ко всему.

Михаил замер. Воздух вокруг начал вибрировать, наполняясь звуками: далеким гулом города, криком чаек и... тихим свистом закипающего чайника.

— Семь лет? — выдохнул он.

— Семь лет абсолютной осознанности, — кивнула Смерть, — Иди. Твой чай остывает.

Мир вспыхнул.

*

Михаил вздрогнул и открыл глаза. Он сидел на балконе. В руке была чашка с синей каемкой. Напротив, в плетеном кресле, сидела Аня. Она шурилась от солнца и перелистывала какую-то книгу.

— Миш, ты чего замер? — улыбнулась она, не поднимая глаз, — Чай же остынет.

Михаил посмотрел на неё — на добрые глаза, на улыбку, на то, как она смешно поджимает пальцы ног. Он поставил чашку на столик, подошел к ней и просто прижал её голову к своей груди, вдыхая запах её волос — лаванды и утреннего сна.

— Я люблю тебя, — прошептал он в тишину её макушки.

— И я тебя люблю, — ответила Аня, улыбаясь ещё шире.

Михаил закрыл глаза. Он чувствовал в кармане невидимый груз — календарь на 2557 дней. И каждый из этих дней он собирался прожить так, чтобы Смерти потом было о чём послушать.

Мир вокруг Михаила казался выкрученным на максимальную яркость. Синяя каемка на чашке была не просто синей — она была ультрамариновой, глубокой, как океан. Солнечный свет, падающий на деревянный пол балкона, казался почти осязаемым, густым, как мед.

Он всё ещё чувствовал фантомный холод на своем плече — там, где его коснулась Смерть. Но здесь, в их маленькой квартире на четвертом этаже, пахло домом.

— Миш? Ты какой-то странный. То замер на пять минут, теперь смотришь на меня так, будто я из золота отлита, — Аня рассмеялась и, наконец, отложила книгу, — Что случилось? Журнал не нашел?

Михаил медленно сел обратно в свое кресло. Его руки слегка дрожали. Он взял чашку. Чай действительно остыл. Он сделал глоток. Горьковатый, терпкий, с едва уловимым ароматом бергамота — это был самый вкусный напиток в его жизни. Потому что у этого чая был вкус настоящего.

— Нашёл, — соврал он, глядя на неё, — То есть, не нашёл. Передумал. Понял, что не хочу уходить от тебя ни на секунду. Даже в машину.

Анюта прищурилась, в её глазах заплясали искорки.

— Ого, какие мы сегодня романтичные. Это из-за погоды? Или ты что-то разбил на кухне и боишься признаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.